

# РОССИЯ И ШВЕЦИЯ

*Я. А. Сексте*

## ВОЕННЫЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ РОССИИ И ШВЕЦИИ НАКАНУНЕ РУССКО-ШВЕДСКОЙ ВОЙНЫ 1788–1790 ГОДОВ

После Ништадтского мирного договора Россия придерживалась курса на сохранение существующего политического раздора в шведском риксдаге и ослабление королевской власти. Россия даже после государственного переворота 1772 года, когда шведский король Густав III провозгласил себя самодержавным монархом, продолжала вмешиваться во внутренние дела шведского государства, поддерживала прорусскую партию в риксдаге и препятствовала Швеции в проведении самостоятельной внешней политики.

Россия продолжала предпринимать действия, которые внушали опасения Густаву III. В 1786 году русский дипломат А. Морков в Стокгольме воспользоваться раздором между королем и дворянством: в доме посланника проходили собрания оппозиционных депутатов риксдага. Одинаково действовали в этом отношении Остерман, Морков и новый русский посланник в Стокгольме граф А.К. Разумовский.

В начале 1787 года Разумовский сообщил о волнениях в столице и провинциях, вызванных всеобщим недовольством, он предполагал использовать сложившуюся ситуацию для переворота в Швеции<sup>1</sup>.

Разумовский был знаком с Густавом III еще с неапольской встречи. Король был прекрасно осведомлен о подпольной деятельности нового русского посланника, поэтому он принял меры для получения нужной информации о его переговорах с представителями оппозиции. Сам Разумовский писал, что «он чувствовал себя изолированным», жаловался, что «имеет трудности в приобретении надежных каналов», и сообщал, что он «был тщательно контролируем шпионами» короля<sup>2</sup>.

Разумовский вместе с Егергорном, который называл себя другом барона Г.М. Спренгпортена, пытались связаться с недовольными в Финляндии и разжечь там сепаратистские настроения. Летом 1787 года Разумовский

предпринял поездку по Швеции с целью изучения настроений людей и их отношения к королевской власти, а в качестве предлога к поездке был назван его интерес к «естественным наукам». Густав был более дальновидным и скрытным политиком, чем принято считать. Он относился к Разумовскому с особым вниманием, позволил в течение своей поездки в Финляндию для успокоения недовольных одаривать комплиментами императрицу через особых вестников и разрешил ей сохранить русского консула в Финляндии, которому было запрещено распространять свое влияние на военные порты Свеаборг и Гельсингфорс. Густав тайно подготовил план, который стал объектом всеобщего достояния лишь летом 1787 года. Но пока ему удалось сбить с толку императрицу, скрыв от нее свою враждебность<sup>3</sup>.

Для достижения своих целей в Швеции императрица придерживалась старой тактики, работая в двух направлениях. С одной стороны, она поддерживала идею финских сепаратистов о национальной самостоятельности Финляндии, укрепляя отношения со Спренгпортенем. Интересно, что барон Спренгпортен был начальником Саволакской бригады, состоящей из финских егерей, наиболее боеспособного и обученного сухопутного военного соединения в шведской Финляндии. Спренгпортен обучал саволакцев методам ведения боевых действий в специфических условиях финского ландшафта, был автором многочисленных карт, схем, на которых были отмечены важные стратегические точки и пункты шведской Финляндии. Он был уволен со службы по решению военной комиссии без должной компенсации и вознаграждений, вследствие чего затаил злобу на Густава III и поступил на русскую службу в чине генерал-майора<sup>4</sup>.

С другой стороны, Екатерина поддерживала отношения со шведской оппозицией, при поддержке которой надеялась провести изменения государственной формы правления в этой стране.

Поддерживаемый А. Морковым, русским посланником в Стокгольме до 1786 года, граф Аксель Ферзен и семейство Браге на риксдаге 1786 года находились во главе партии, враждебной королю. Поэтому ни одно более или менее важное предложение короля не было принято. Говорили, что русский посланник уже тогда через барона Спренгпортена, поступившего впоследствии на русскую службу, узнавал о подробностях событий, происходивших на сейме, которые, по мнению некоторых современников, могли стать настоящей причиной войны 1788–1790 годов.

Барон Спренгпортен находился во главе сепаратистской партии в Финляндии, был организатором тайных обществ, имевших целью политическую агитацию против шведского короля<sup>5</sup>.

На российской службе Спренгпортен был обласкан Екатериной II: он получил «для первоначального обзаведения 600 душ крестьян, 3000 руб. жалования и 2000 руб. в ежегодную пенсию сверх жалования»<sup>6</sup>.

С началом военных действий в Турции против России в 1787 году Спренгпортен начал побуждать Екатерину к ведению недоброжелательных действий против Густава. Спренгпортен считал весеннее время (начало июня) по новому стилю самым удобным для осуществления его проектов<sup>7</sup>.

Приведенные выше сведения указывают на тот факт, что и российская, и шведская стороны вели себя вызывающе по отношению друг к другу, готовились в удобный момент, заручившись поддержкой союзников, нанести превентивный удар.

Вопреки поступавшей информации о деятельности шведского короля последнему удалось до последнего момента скрывать от императрицы свое вооружение, но главное — направление, на которое будет направлен предполагаемый удар.

Швеция подготовилась к новой войне, в отличие от событий последнего русско-шведского вооруженного столкновения 1741–1743 годов. Английский посол в Стокгольме Чарльз Кин писал в Англию, что «предполагаемую войну можно считать весьма опасным предприятием, но что, по всей вероятности, можно ожидать успеха для Швеции на море, потому что шведский флот, без сомнения, превосходит русский и по свойству кораблей, и по способностям экипажей»<sup>8</sup>.

Посланник в России барон Г. Нолькен уверял Густава III в том, что Россия должна думать лишь об обороне и желать мира с соседями, пока не закончится турецкая война<sup>9</sup>.

Война 1741–1743 годов показала, что у шведских войск не было возможности оборонять Финляндию без галерной эскадры, которая защищала бы армейские фланги с моря. Гребной флот мог легко защитить такие стратегически важные пункты на карте Финляндии, как Поркалу и Ханко. До прихода Густава III к власти подобные военные проекты, предлагаемые членом секретной комиссии риксдага и отцом галерного флота Августинном Эренсвердом, были отклонены как дорогостоящие и нецелесообразные<sup>10</sup>.

Новая форма правления непременно должна была привести к войне с Россией, как рассуждали приближенные к королю лица и военные специалисты. А. Эренсверд настаивал на усилении галерного флота, который тесно сотрудничал бы с армией. В сентябре 1772 года Эренсверд сообщил Густаву, что «нет необходимости для беспокойства, так как российская сторона втянута в войну с Турцией и польские дела, и со стороны Финляндии

русские части насчитывали не более 3 тыс. человек; кроме того, жители Финляндии сохраняли покорную преданность королю»<sup>11</sup>.

В 1782 году в Стокгольме был учрежден гидрографический департамент, в котором с тех пор составлялись специальные карты Финского залива. В продолжение последних лет участие Швеции в лиге вооруженного нейтралитета, дававшее повод к отправлению морских экспедиций, послужило хорошей школой для шведского флота. Новые изобретения в области кораблестроения были применены на практике Фридрихом Генрихом Чапманом, одним из замечательных специалистов в этой области. По совету этого военного специалиста и Эренсверда был выстроен галерный флот, столь необходимый для защиты шведских берегов. Следует отметить, что «отцом-основателем» строительства в Швеции военных судов английского типа был выдающийся шведский судостроитель английского происхождения Чарльз Шелдон, который после Северной войны построил 56 кораблей, в том числе 17 линейных и 18 фрегатов. Он являлся создателем верфи в Карлскроне. Опыт строительства военных судов и военно-морских сооружений в Швеции был использован позже Ф.Г. Чапманом<sup>12</sup>.

Эренсвердом в надлежащее состояние были приведены укрепления в Свеаборге. Значительное число рабочих трудилось в Карлскроне день и ночь, чтобы приготовить флот к отплытию<sup>13</sup>. Главные распоряжения короля касались флота. Уже в апреле 1788 года Густав приказал, чтобы флот был готов к отплытию из Карлскроны к концу мая, был снабжен съестными припасами на три года и чтобы сухопутные войска готовились к переправе в Финляндию. Подобная информация приходила из Швеции и Дании 25 апреля и 29 апреля 1788 года. В ней говорилось о вооружении королевской эскадры, состоящей из 12 линейных кораблей, пяти фрегатов и некоторых других мелких судов, а также о расположении в Шонах шведского военного лагеря для учений, в который назначено было до 10 тыс. войска<sup>14</sup>.

Сам король говорил о приведении им в боевое состоянии 12 кораблей и 6 фрегатов<sup>15</sup>.

В Карлскроне тем временем находились 26 линейных кораблей, 70- и 60-пушечных, из которых десять были построены и вооружены по системе адмирала Чапмана и имели на нижней палубе 36-фунтовые пушки, а на верхней — 24-фунтовые, тогда как на старых кораблях на нижних палубах были только 24-фунтовые, а на верхних — 18- и 12-фунтовые. Подробная информация о вооружении шведского флота 36-фунтовыми орудиями и испытании этого мощного оружия на море содержалась в документе «по поводу вышеозначенного журнала, в силу ордеров и инструкций сочи-

ненных найдено», обнаруженном в Архиве внешней политики России за 1787 год<sup>16</sup>.

Тут же базировалось восемь 40-пушечных фрегатов, два 32-пушечных, два 16-пушечных брига (kutter brigar), два 12-пушечных куттера, 10 и 12 рас-сылочных судов и еще несколько других.

В Готтенбурге стояли три 40-пушечных фрегата и несколько меньших кораблей. Главными местами базирования действующего флота были Свеаборг и Стокгольм. В первом находилось 2 фрегата, 15 финских судов особых наименований, 2 парома, 20 канонерских лодок, 8 мортирных баркасов. В Стокгольме находилось 28 галер, королевские суда «Амфион», «Амадис» и «Эсплендиан», 30 канонерских лодок и 28 галер-эспингов (яликов)<sup>17</sup>.

Густаву до последнего момента удалось сохранить в тайне информацию о численности флота и его боеспособности благодаря жесткой конспирации и запрету иностранцам посещать главные рабочие верфи страны.

Что касается русского правительства, то оно не рассчитывало на войну со Швецией. Основным направлением было южное — война с Турцией. Все наши военные силы в то время были стянуты к южным границам. В Петербурге оставалось небольшое число гвардейских батальонов, в Кронштадте и в Петербурге — до 9 тыс. флотских команд и не более 8 тыс. сухопутного войска в Финляндии для охранения границ, по которым эти войска и были раскиданы, начиная от Сердоболя до Абборфорса. Для десанта на архипелаг на помощь грекам составлялся 6-тысячный отряд пехоты, то есть всего (считая и матросов) для защиты столицы, корабельных портов и всей балтийской границы не набиралось и 30 тыс. человек<sup>18</sup>.

Так, король, говоря с К.Г. Нординым о предполагаемой кампании против России, выразил мысль, «что это был подходящий момент, чтобы разгромить этот сброд» (о русских вооруженных силах в Финляндии)<sup>19</sup>.

Главная часть российского флота снаряжалась тоже на юг для действий в архипелаге против турок (эскадра Грейга). Но и для этой подготовленной экспедиции предполагали часть команды дополнить рекрутами, русская же шхерная флотилия после Петра I постепенно приходила в упадок.

Наши главные укрепленные пункты в Финляндии находились в заброшенном состоянии, а именно: Выборгская и Фридрихгамская крепости ощущали нехватку войск. Давыдовская крепость была не более, чем полевой ретраншемент, а Вильманstrandская могла служить только прикрытием для полевых войск, которые, однако, по отзыву главнокомандующего финляндской армией, «вводить в оную было опасно»<sup>20</sup>. Гарнизоны этих крепостей состояли большею частью из увечных инвалидов. Представле-

ния командира Кронштадтского порта адмирала Грейга о необходимости возвести укрепления на северном, котлинском фарватере откладывались до лучших времен.

С осени 1787 года предполагалось распределить морские силы в следующем порядке: лучшие суда — 15 кораблей, 6 фрегатов и 2 бомбардирских судна — назначались для действия в архипелаге против турок (были обшиты медью, что в Европе считалось нововведением).

Суда второго разряда — 5 кораблей и 2 фрегата — назначались для практического плавания по Балтийскому морю. Еще 5 кораблей и 2 фрегата, вновь выстроенные и вооружаемые в Архангельске, должны были прийти осенью в Балтийское море и составить резерв для эскадры в архипелаге. В портах также насчитывалось 23 корабля и 16 фрегатов, что составляло вместе полный комплект нашего парусного флота. Из числа последних 23 кораблей четыре готовились в резерв, прочие 19 были очень ветхими. В.О. Ключевский высказал мнение, что Балтийский флот предстал в 1765 году перед Екатериной «жалким сиротой»<sup>21</sup>. Нелестно о подготовке офицерского состава в екатерининской армии писал С.М. Ржевский<sup>22</sup>.

Кроме того, половина команд была дополнена рекрутами, офицеры шли в море, чтобы не потерять своего положения на службе и не лишиться командования судами, а потому не торопились участвовать в сражении, что покажет первая морская баталия при Гогланде 6 августа 1788 года. Руководящий состав флота был представлен адмиралом С.К. Грейгом, В.П. фон Дезиным, контр-адмиралом Т.Г. Козляниновым, адмиралом В.Я. Чичаговым, контр-адмиралом А.Г. Спиридовым. На службе в российском флоте находились английские подданные: Эльфинстон, Тревенсен, Кроун, Крове и др. Л.Г. Бескровный сообщает о численности морских сил Балтийского флота: 37 линейных кораблей, 13 фрегатов, 4 бомбардирских судна, 29 судов других классов<sup>23</sup>.

Адмирал А. Штенцель упоминал о численности российского Балтийского флота в 40 кораблей, из которых «только дюжины две годных для войны, и дюжина фрегатов... плохо дело обстояло с личным составом: не было ни военного, ни морского опыта»<sup>24</sup>.

17 (28) мая брат Густава Карл, герцог Зюдерманландский, начальник шведского флота, прибыл в Карлскрону, на другой день приехал и сам король. К.Г. Нордин сообщает об отъезде короля из Стокгольма, причем цель поездки держалась в тайне<sup>25</sup>.

29 мая (9 июня) парусный флот выступил в море. Уже 27 мая о его готовности выйти в море сообщалось в «С.-Петербургских ведомостях»<sup>26</sup>.

Опасения насчет войны появились в середине мая 1788 года. Шведы в России вели себя с необычной учтивостью и сообщали, что в Петербурге все спокойно и тихо, флот готовится в Кронштадте к отплытию в Средиземное море.

4 мая Храповицкий, секретарь императрицы, записал: «По прочим министерским бумагам открывается, что шведы по наущению Пруссии, а может быть, и Англии, получая вспоможение деньгами, намереваются сделать диверсию. Король хотел объявить в Сенате, что, не веря отправлению нашему в Средиземное море, опасается, чтобы мы не напали на Карлскрону, и для того старается сделать морское вооружение, нашему подобное»<sup>27</sup>.

11 мая информация, приходящая по почте, подтвердила вооружение шведов. 19 мая из Стокгольма по почте пришли известия о королевских вооружениях, высказывались подозрения, что король получил субсидии. В этот же день Екатерина с досадою заметила: «Англия везде нам мешает»<sup>28</sup>. Из Копенгагена приходили известия о продолжавшихся в Швеции приготовлениях к войне и образованию там обсервационной эскадры.

27 мая Екатерина писала Г.А. Потемкину: «Шведские дела теперь в самом кризисе. Что по оным делается и делалось — усмотришь из сообщаемых тебе с сим курьером бумаг. О вооружениях наших для Средиземного моря, о которых всем дворам сообщено, и, следовательно, и шведскому, король шведский притворяется, будто принимает, что то все противу него, и в Карлскроне делает заподлинно великое вооружение. Команду сего флота дал своему брату, поехал теперь в Карлскрону выводить корабли на рейд, а пред тем собрал Сенат и оному объявил, что как Россия противу него вооружается и его всячески к войне провоцирует (к сему прибавил лжей и клеветы на нас и на своего министра Нолькена), то он должен готовиться к войне же... Подозревают, что Порта дала ему денег на сие вооружение»<sup>29</sup>. Потом императрица добавила: «... и может быть, что дело кончится тем, что король, приехавши в Финляндию, со мною обошлется, как обыкновенно, комплиментом и своею демонстрацией будет доволен. Но буде вздумает воевать, то стараться будем обороняться, а что с кого-нибудь получил денег, о том сомнения нет... Все сие в скором времени откроется»<sup>30</sup>.

Мысль императрицы по поводу денежных субсидий Швеции подтверждает канцлер князь А.А. Безбородко, приводя в качестве примера сведения, поступившие через Гамбург (5 июня), о том, что «до 700 тыс. гульденов переведено в Швецию и что в Готтенбурге немалая сумма в натуре привезена посредством английских контор, почему и думают, что тут сделаны переводы турецких субсидий»<sup>31</sup>.

Вопрос о турецких субсидиях является весьма спорным, так как Порта находилась в весьма затруднительном положении, чтобы тратить большие суммы на поддержку шведского союзника. В историографии этот вопрос все еще остается спорным. Скудость денежных средств у короля в начале войны, недостаток провизии в войсках и большая задержка жалования солдатам и офицерам, подтверждаемая многими шведскими источниками, подвергают сомнению эти слухи. Существует мнение, «что Густав распускал эти слухи для своих подданных, чтобы их ободрить и уверить в чем-либо содействии»<sup>32</sup>.

28 мая императрица заметила: «Я шведа не атакую, он же выйдет смешон». А Спренгпортен насмешливо заметил о Густаве: «Я думаю, что он хочет отделаться от Финляндии»<sup>33</sup>.

Интересно, что барон Спренгпортен советовал Екатерине не дожидаться агрессии со стороны шведов, а атаковать первой. По его плану нападение необходимо было совершить до 24 июня, пока верные ему «саволакцы находились под ружьем»<sup>34</sup>.

31 мая статс-секретарь Храповицкий заметил об императрице: «Не веселы» и прибавил: «Я написал секретный указ ревельскому губернатору Врангелю, чтоб наведывался от корабельщиков купеческих судов, в Ревель приходящих, о движениях шведского флота, в море вышедшего, и чтобы, не предполагая никакого тут опасения, принять пристойные меры к отвращению народного страха, буде бы по сим обстоятельствам оказались люди боязливые»<sup>35</sup>.

Густав III в письме своему другу барону Г.А. Армфельду, напротив, был полон решимости осуществить задуманное мероприятие и написал, что «наконец все приведено в движение»<sup>36</sup>. Король делился с Армфельдом всеми секретами, в том числе и планом русской военной кампании. Густав писал Армфельду 5 июня 1788 года о том, что к войне необходим лишь маленький несерьезный повод: «Если хотя одна хворостина будет зажжена русскими, тогда императрица станет агрессором и совет в Дании останется в недействии. Необходимо, чтобы русские сделали первый выстрел, перейдя через границу в шведскую Финляндию. Это представляет огромную важность для Дании»<sup>37</sup>. 10 июня король сообщил о том, что «удар следует со стороны козаков, которые подожгут в Финляндии населенный пункт...» И продолжает: «А мы отомстим»<sup>38</sup>.

В этом же письме достаточно подробно монарх описывает цель всего задуманного предприятия: «Произойдет демонстрация, чтобы принудить Россию принять посредничество»<sup>39</sup>. Речь идет, безусловно, о посредничестве в переговорах о мире между Россией и Турцией.



Императрица не терпела паники и не желала, чтобы о предстоящей опасности стало известно преждевременно. Екатерина рассчитывала, что шведский король не пойдет на нарушение основного положения в шведской конституции. Вероятно, императрица забыла, что Густав в 1772 году безболезненно для себя и нации совершил переворот, став самодержавным правителем.

Императрица предполагала, что все шведские демонстрации производятся только с одной целью — препятствовать выходу эскадры Грейга в Средиземное море. Екатерина была настроена решительно и не видела препятствий, которые могли бы остановить это военное предприятие, заявив, что флот, «несмотря на то пойдет в свой путь, и буде ему сделают на дороге препятствие, то будет искать истребления препятствия». Из всех членов Совета только вице-канцлер граф А.И. Остерман предлагал нанести превентивный удар по шведскому флоту. Остальные констатировали, что в случае ухода флота Грейга шведы начнут войну, но ничего не предлагали<sup>40</sup>.

А.М. Тургенев в своих «Записках» описал сборы Балтийского флота в архипелаг. По его словам, роль спасителя нашего флота на Севере сыграл блестящий дипломат, политик М.А. Гарновский, доверенное лицо князя Потемкина, который путем скупки всего хлеба для средиземноморской эскадры задержал ее отправление. Он по приказу Екатерины II был арестован за саботаж, писал императрице письма о том, что война скоро начнется и нельзя уводить эскадру из Кронштадта.

Через два часа пришло известие из Кронштадта (через Ораниенбаум) о занятии шведами окрестностей близ Нейшлота. Гарновский, естественно, был освобожден, и, как заключил Тургенев, «государыня не могла простить ему того, что он был пронцательнее ее и министров ее, что сведения Гарновского были вернее и догадки его неосшибочны, — никогда не хотела видеть его»<sup>41</sup>. Эскадра Грейга осталась на Севере, что сохранило боеспособность русского флота и определило судьбу кампаний 1788–1790 годов.

Между тем слухи о предстоящей войне подтверждались, и беседы с Храповицким о Швеции продолжались. Екатерина начала верить в возможность войны с Густавом III.

16 июня в разговоре о Швеции Екатерина сказала, что «если дело пойдет на негоциацию, то, может быть, шведский король захочет, чтобы я признала его самодержавным»<sup>42</sup>. Императрица это условие считала невыполнимым.

В глазах русских дипломатов трудности внутренней жизни Швеции, с которыми боролся Густав, служили непреодолимым препятствием к войне.

Но Густав, напротив, увидел в военной кампании единственное и решительное средство улучшить свое положение и укрепить, как никогда ранее, свои политические позиции. Густаву была необходима быстрая и победоносная война, которая позволила бы отвлечь народное недовольство сложившимся критическим положением в стране<sup>43</sup>.

Главной причиной войны, указывает историк Гилленгранат, было то, что, «воспользовавшись этим обстоятельством, король хотел усиления власти»<sup>44</sup>. Другой шведский историк, Е. Гейер, раскрывает королевский рецепт власти: «Коронованный герой, он должен стать первым солдатом, и через него вся нация шведская склониться, после чего недовольство некоторых вельмож (*magnater*) все-таки должно ослабнуть или, по крайней мере, стать незначительным»<sup>45</sup>.

Война была предопределена. «Рубикон перейден»<sup>46</sup> — эту историческую фразу Густав III произнес 24 июня 1788 года.

Очевидно, что в данном случае личная неприязнь двух монархов сыграла свою роль и усугубила возросший уровень противоречий между странами во внешнеполитическом вопросе и в отношении проводимых королем внутренних преобразований.

Россия по-прежнему считала Швецию государством, неспособным играть на севере Европы лидирующую роль, но постоянно угрожающим спокойствию России и Дании–Норвегии в этом регионе.

В самой Швеции долгое время ничего не знали о готовящейся войне и довольствовались слухами и предположениями о цели вооружения армии и флота. Шведский историк Э. Леннрут высказал такую мысль: «Как и во время государственного переворота 1772 года, отсутствие рационального планирования принесло определенную выгоду: ни Россия, ни представители дворянской оппозиции в Швеции не знали, кто будет союзником Швеции в предстоящей войне и когда будет совершено нападение»<sup>47</sup>.

Хотя многие шведы отказывались верить факту начавшегося вооруженного столкновения между Россией и Швецией, Густав сумел склонить общественное мнение на свою сторону и разжечь патриотические национальные чувства.

Ряд государств, в том числе Пруссия и Англия, выразил свою озабоченность произошедшей критической ситуацией в Балтийском регионе, тотчас предложив себя в роли посредников в деле мирного решения этого военного спора.

Для Швеции и России начались два тяжелых года войны.

Экономически и Россия, и Швеция находились в весьма трудном положении, что накладывало дополнительные финансовые тяготы на податное население. Россия воевала с Турцией, поэтому новая война на Севере была угрозой для безопасности столицы, тем более что все боеспособные силы были переброшены на южный театр военных действий.

\* \* \*

<sup>1</sup> Lesch B.J.A. Jägerhorn. Hfors, 1941, sv-litt.-sällskapet, Finland. 1941. S. 100.

<sup>2</sup> Sveriges politiska historia under Konung Gustaf III's regering af G. T. Odhner. Andra delen. 1779–1787. Stockholm, 1896. S. 534–535.

<sup>3</sup> Ibid.

<sup>4</sup> Wuorinen J.H. A History of Finland by. N.Y.; L., 1965. S. 104–105.

<sup>5</sup> Брикнер А.Г. Война России со Швецией 1788–1790 гг. // Журнал Министерства народного просвещения (февраль 1869). СПб., 1869. С. 117.

<sup>6</sup> Брикнер А.Г. Конфедерация в Аньяла в 1788 г. Материалы для истории присоединения Финляндии к России // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1877. № 10. С. 688–689.

<sup>7</sup> Спренгпортен, герой Финляндии. О путешествии его по России // Русский архив. 1887. Вып. 4. С. 481.

<sup>8</sup> Брикнер А.Г. Война России со Швецией... С. 320.

<sup>9</sup> Там же.

<sup>10</sup> Nikula O. Augustin Ehrensvärd. Svenska literature-sillskapet; Finland (1710–1772). Abo, 1960. S. 370–374.

<sup>11</sup> Ibid. S. 397–398.

<sup>12</sup> Släkten som byggde 111 fartyg at den svenska flottan // Sveriges flotta. Sjöintressen, sjövärn, sjöpolitik. 1960. № 9. S. 118–120.

<sup>13</sup> Glete J. Naval policy and preparation för war // Catherine the Great and Gustav III. Helsingborg, 1999. S. 175–183.

<sup>14</sup> Санкт-Петербургские ведомости от 1788 г. СПб., 1788. С. 534.

<sup>15</sup> Gustaf III till K.G. Nordin // Dagboksanteckningar för ären 1786–1792 av C.G. Nordin. Stockholm, 1868. S. 4–5.

<sup>16</sup> АВПР. Ф. 96. Сношение России со Швецией. Оп. 6. Д. №753 (1787). Л. 58–64.

<sup>17</sup> Эпизод из войны со шведами в 1788, 1789 и 1790 гг. (отрывок из сокращенной истории шведских морских войн Гилленграната) // Морской сборник. 1863. Т. 66. № 5. С. 4–5.

<sup>18</sup> Головачев В. Действия русского флота в войне со шведами в 1788–1790 гг. (из лекций, читанных в читальном зале Морского училища) // Морской сборник. 1871. Т. 115. № 7. С. 21–23.

<sup>19</sup> Dagboksanteckningar för ären 1786–1792 av C.G. Nordin. Stockholm, 1868. S. 13–14.

<sup>20</sup> Головачев В. Указ. соч. С. 23.

- <sup>21</sup> *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. М., 1989. Т. V: Курс лекций русской истории. С. 37.
- <sup>22</sup> *Ржевский С.М.* Русская армия во второй половине екатерининского царствования, отчего она в упадок приведена и нелестно хорошим офицерам продолжать службу // *Русский архив.* 1879. Кн. I. С. 357–362.
- <sup>23</sup> *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958. С. 22–27.
- <sup>24</sup> *Штенцель А.* История войн на море: в 2-х т. М., 2002. Т. 2 (Русско-шведская война 1788–1790 гг.). С. 414.
- <sup>25</sup> *Dagboksanteckningar för åren 1786–1792 av C.G. Nordin.* S. 13–14.
- <sup>26</sup> Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 1788. № 47. С. 669, 701.
- <sup>27</sup> Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины II // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Поврем. изд. М., 1862. Апр.–июнь. Кн. 2. С. 61–63.
- <sup>28</sup> Там же.
- <sup>29</sup> Екатерина II и Потемкин Г.А. Личная переписка. 1769–1791 гг. М., 1997. С. 287–289.
- <sup>30</sup> Там же.
- <sup>31</sup> Канцлер князь А.А. Безбородко в связи с событиями его времени. Т. 1, 2 // Сб. РИО. СПб., 1879. Т. XXVI. С. 291–293.
- <sup>32</sup> *Головачев В.* Указ. соч. С. 23.
- <sup>33</sup> *Брикнер А.Г.* Война России со Швецией... С. 324–325.
- <sup>34</sup> Спренгпортен, герой Финляндии. О путешествии его по России // *Русский архив.* 1887. Вып. 4. С. 481.
- <sup>35</sup> Памятные записки А.В. Храповицкого. С. 60–61.
- <sup>36</sup> *Konung Gustaf III's bref till friherre G.M. Armfelt 27 mai. 1788 lltg. genom E. Tegner.* Stockholm, 1883. S. 10–11.
- <sup>37</sup> Отдел рукописей РНБ. Ф. 847. Архив С.Н. Шубинского. Оп. 2. Д. № 91. Густав III. Письмо к неустановленному лицу о Русско-шведской войне. 11 июня 1788 г. Л. 1–2.
- <sup>38</sup> Там же.
- <sup>39</sup> Там же.
- <sup>40</sup> Екатерина II и Потемкин Г.А. С. 290–291.
- <sup>41</sup> Записки А.М. Тургенева (1772–1863) // *Русская старина.* СПб., 1886. Т. 52. С. 268–270.
- <sup>42</sup> *Брикнер А.Г.* Война России со Швецией... С. 327–328.
- <sup>43</sup> *Danielson-Kalmari J.R.* Finland under gustavianska tiden. 1–2. Stockholm, 1932. S. 44–45.
- <sup>44</sup> Эпизод из войны со шведами в 1788, 1789 и 1790 гг. С. 203.
- <sup>45</sup> *Konung Gustaf: s efterlemnade och femtio ar efter hans död öppnade papper, översikt, utdrag och jemnförelse af E.C. Geijer.* 3 del. Uppsala, 1843. S. 193–194.
- <sup>46</sup> *Konung Gustaf III's bref till friherre G.M. Armfelt 27 mai.* S. 24.
- <sup>47</sup> *Леннрут Э.* Густав III (шведские портреты). Стокгольм, 1999. С. 28.